

Кирилл Юрченко



ПОСЛЕДНЯЯ КАРТИНА

Кирилл Юрченко
Последняя картина

«Автор»

2004

Юрченко К.

Последняя картина / К. Юрченко — «Автор», 2004

У каждого творца, независимо от сферы его таланта, рано или поздно возникает искушение: создать нечто эдакое «для вечности». Как будто только в этом и есть цель творчества. Как будто только в том и смысл жизни, чтобы о тебе всегда хоть кто-нибудь да помнил... Его можно давить в себе, это желание, не позволять ему разрастаться и овладеть собой, но не стоит забывать, о том, что оно всегда с нами, даже если затаилось глубоко внутри. И точно так же не стоит забывать о том, что в мире есть силы, которым нравятся наши тайные мечты. Есть силы, которые желают и могут их осуществить. Потому что им тоже хочется, чтобы мы оставались в вечности. Но совсем не в той, в какой хочется нам...

© Юрченко К., 2004

© Автор, 2004

Кирилл Юрченко Последняя картина

Я думал, что знаю этого человека так же хорошо, как самого себя, но это оказалось неправдой. По молодости мы с Григорием Калейдиным часто куролесили вместе, потом, когда настала пора остепениться, дружили семьями, и были столь же близки и откровенны друг с другом, как в пору нашего знакомства – в далеком детстве. Он не считался успешным художником, никогда не мог похвастать количеством выставок, а о стоимости картин можно было говорить только относительно, и лишь его удивительное трудолюбие и способность, не гнушаясь, браться за самую мелкую работу, спасало семью от бедности. Несмотря на скромный характер творческой деятельности, талант его был удивительно многогранен. Казалось, все должно было складываться успешно, однако результат был один: ни картины, ни редкие скульптуры его, практически не продавались, хотя было немало лиц, которые выражали заинтересованность в их покупке, но дальше заверений в уважении к таланту дело не доходило – спустя какое-то время эти люди неожиданно отказывались, изыскивая любую причину, или попросту исчезали из поля зрения. В такие периоды мой друг впадал в депрессию и становился чернее ночи. Он часто уходил в длительные запои, а семья в эти периоды существовала только за счет помощи знакомых и близких.

Однажды мне по роду службы пришлось уехать из родного города, и на какой-то период мы расстались. Вести донесли, что с моим другом произошли трагические события. После внезапной и страшной в своей абсурдности смерти жены, а вслед за тем гибели дочери, на короткий промежуток времени он словно пропал. Никто его не видел, не слышал. Я подумал тогда, что он запросто мог исчезнуть физически. Утопиться, к примеру, или быть убитым в какой-нибудь пьяной драке, где единственный исход – концы в воду.

Но, когда я вернулся, то к радости своей обнаружил его живым и здоровым. Более того – успешным, как никогда. Наступил тот период, которого каждый творческий человек ждет как манны небесной: слава, реальный интерес покупателей, немалый доход – все это свалилось на него в одночасье. Правды ради, стоит упомянуть, что такой оборот событий не слишком-то его радовал и находился мой друг в постоянном напряжении. И вдруг, на третий после моего приезда день он снова исчез. Вскоре мне удалось отыскать его в больнице. В припадке буйства, вызванного без всяких сомнений, очередным приступом белой горячки, он отрубил себе руку, которой создавал странные картины. В одной частной коллекции еще можно увидеть чудом сохранившуюся фотографию – даже не копию – одной из них (это единственное, что уцелело). Не уверен, что она понравится кому-либо, ибо что-то отталкивающее исходило от полотна. Впрочем, в самой картине, как художник, он был, бесспорно, очень интересен, но как человек – открылся для меня чудовищем, созданным для искушения низменных страстей, скрывающихся в каждом человеке. Я согласен был с некоторыми, которые утверждали, что такое творение не привиделось бы и Босху, и Дали, вместе взятым. Свора безумцев – голых (со всеми анатомическими подробностями) мужчин и женщин с уродливыми, чуть расплывчатыми и похожими на кошачьи головами, образующих клубок яростно совокупающихся и беснующихся тел, – представляла собой глаз мерзкого гидроподобного существа, которое, в свою очередь, если смотреть на удалении, становилось зрачком одного из одержимых, показанного крупным планом, – самого мерзкого и большого, выглядевшего словно пришелец из Ада. Опять же, утверждали, и я склонен с этим согласиться, что в реальности эта картина производила куда более сильное впечатление, нежели карточка с фотоэмульсией. Эта картина была уничтожена огнем, как и все другие, что создал мой друг в то время, и ни одна из них не обладала даже каплей чистоты и нравственности, без чего раньше его творчество не возможно было и представить...

Только спустя полгода мой друг, наконец, отважился рассказать о том периоде жизни. Мы сидели в палате загородной лечебницы для душевнобольных. Он явно шел на поправку, и я до сих пор помню его светлый и радостный взгляд, которым он встретил меня. И до сих пор держу в памяти его рассказ, со всеми малейшими подробностями. После его смерти (та наша встреча была последней), я неоднократно пересказываю его историю сам себе, и жизнь моего друга, о которой я не знал, предстает передо мной так, будто я сам был ее свидетелем.

" – ...Вот ты говоришь, что не веришь, ни в Бога, ни в темные силы. Может быть, эта история заставит тебя изменить собственное мнение. А может, и не заставит, но, в любом случае, я хотел бы ее рассказать.

Я всегда боялся поделиться тем, что видел, потому что это не было похоже на сон, как меня пытались убедить здешние доктора. Все краски и запахи были совершенно естественны и отложились в памяти свежими пятнами. Ты ведь знаешь, как много времени я здесь провел, некоторое время лежал в настоящей камере с тяжелыми решетками на окнах.

Началось все с того, что после того нашего расставания (твоего отъезда), я пережил, пожалуй, худшие годы в моей жизни – умерла жена, дочь долго болела, переживая об уходе матери, а однажды, уже идя на поправку, вышла из дома на прогулку и попала под машину. Водитель был пьян и летел на скорости, не смотря ни на "лежащих полицейских", ни на крики людей. В случившемся я винил себя, хотя понимал, что не в силах был что-либо предотвратить.

Как проклятый я бродил по городу ночами, по тем улицам, где мы ходили все вместе: мать, отец и ребенок – я всегда держал обоих за руки. Не знаю, почему не днем, а именно ночью – быть может, потому что не было людей и никто не станет свидетелем твоих слез и рыданий, которые я не хотел выставлять напоказ. Господи! – думал я тогда, почему ты поступил так жестоко? Почему ты не оставил мне хотя бы дочь, мою ласточку, ее кровиночку...

Не знаю, когда во мне появилась мысль убить себя. До той поры я никак не мог понять людей, добровольно уходящих из жизни. Но когда передо мной открылась бездна отчаяния, нежелание плыть по воле жестокой судьбы, когда я не видел более смысла проживать на этой земле, когда, казалось, душа моя ушла вместе со смертью близких мне людей в иной мир, я решил не задерживаться на этом свете, а соединиться с ними там...

И вот я брел как-то по спящим аллеям санатория на берегу реки, ты знаешь, где это место. Там все замерло: спали люди, больные и здоровые; спали деревья; спали белки и птицы, которых мы вместе когда-то кормили с рук. Я прошел через почерневший лес, вдоль берега добрался до склона, который вел к небольшому, но глубокому каналу, где я и намеревался расстаться с жизнью.

Стыдно вспоминать, но я тогда долго раздумывал – раздеваться мне или нет, как будто собирался устроить прощальное представление, в котором надо сохранить остатки приличия. Я даже подумал о том, что глупо поступаю, раз приходят в голову столь пошлые мысли, и уже испытал сомнения в правильности намерений...

Лучше бы я сразу безрассудно прыгнул в воду, тогда бы я не встретился с этим человеком. Откуда он взялся, я не заметил, да и не задумывался, так как соображать был не в состоянии.

– Думаешь ты один, такой несчастный?

Услышав этот голос за спиной, я вздрогнул и обернулся.

Казалось, что и без того черная тьма вокруг сгустилась и исторгла из себя этого некрасивого и, пожалуй, даже уродливого человека (хотя, как я мог это заметить, сам не понимаю), а появление его было столь неожиданным, что я позабыл, зачем здесь.

Когда он вновь заговорил, я понял, что он все знает про меня. Я уже догадался, чей он посланец, но в глубине души надеялся, что ошибся, и что он пришел с добром. Глупец...

– Ну, прыгай, чего медлишь, или передумал? – таким образом он пытался вовлечь меня в свою жестокую игру.

Он понимал, что сейчас я этого уже не сделаю, но ему нужно было, чтобы я испытал страх перед своими мыслями. Хотя уверен, – шагни я в пучину именно в ту секунду, кто знает, может быть, Создатель принял бы меня, и пусть попы твердят все, что угодно, насчет самоубийства, но я теперь знаю цену многим речам.

Я не сделал последнего шага и остался наедине с ним. Он назвался. Имя его – Князь, олицетворяло с хозяином преисподней.

– Я знаю, о чем ты подумал, – сказал он. – Но я всего лишь его слуга...

И тогда он пообещал мне страшное. Он сказал, что отныне каждую ночь я буду встречаться с женой и ребенком, как будто они никогда не умирали. А взамен он требовал посвятить ему мой талант и дневную жизнь.

Я не мог устоять. Страх самоубийства поймал душу в сети, а желание видеть родных заставило сдаться. Получив от меня согласие, этот человек исчез.

На востоке уже светлел горизонт. Как мне казалось, я пришел к реке, когда еще не было часу ночи, и с Князем, по собственным ощущениям, не говорил и десяти минут. Видимо, это тоже была часть плана, своеобразная игра демона, завлекающего жертву в свои объятия и не дающего возможности передумать. Хотя какие могут быть сомнения. Однажды взяв с меня слово, он отыскал бы мою душу и на том свете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.